

ценность человека условна, самооценność – проблематична, ибо для морали важна прежде всего социальная ценность целей, мотивов, средств и результатов деятельности. Личность как страдающая экзистенция принимается моралью настолько, насколько она вписывается в принятую в данном обществе систему моральных требований и моральных ценностей. В противном случае действует моральный диктат, духовное подавление и принуждение. Мораль не исключает индивидуальности, разнообразия субъектов, но в пределах условий существования конкретного социума.

Моральное отчуждение представляет собой деструкцию субъектной субстанциональности, проявляющуюся в деуниверсализации (тотальности единичности и одиночества), дегуманизации (утилизации человека в целях социального развития), в неподлинности бытия и его дисгармонизации (нецелостности, неполноте, несовершенстве).

Преодоление гуманистической ограниченности и отчуждающей способности морали возможно в нравственности. Нравственность основана на принципиально иной парадигме мироотношения. Если для морали характерна приоритетно-социумная парадигма, то нравственность определяется приоритетно-универсумной парадигмой, значительно расширяющей мировоззренческое пространство субъекта, пространство его бытия.

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Е.И. Янчук, г. Минск, Беларусь

В культуре в целом и в различных ее формах и проявлениях закрепляются системы ценностей, стандарты поведения, а также установки, регулирующие разного рода практики. В своей совокупности они образуют своеобразную матрицу, в пределах которой осуществляется конструирование базовых принципов общежития, вырабатываются идеалы и нормы, конвенции, ориентиры и инструменты социализации и самоидентификации. Одним из таких инструментов в современном обществе стала гендерная культура. Проявление данной проекции обусловлено действием со стороны различных факторов и, в первую очередь, таких, которые заостряют внимание на половом диморфизме человека.

Классическая философия рассматривала оппозицию «мужского» и «женского» чаще всего в асимметричном ее понимании, выводя «мужское» на роль доминанты и определяя «женское» как вторичное, зависимое и в целом второстепенное, а, следовательно, малозначимое для культуры. Как следствие, различные аспекты культуры, так или иначе связанные с полом, разрешались «по умолчанию» не в пользу феминности,

но в пользу маскулинности. В таких условиях гендерная культура не могла сформироваться как вполне самостоятельная. Существовая в латентной форме, она скорее угадывалась или подразумевалась, будучи имманентно присущей любой человеческой общности.

При рассмотрении проявлений женского в культуре интересна постановка вопроса о статусе гендерных составляющих в культуре в целом и механизмах их формирования. В рамках феминистских и гендерных исследований эта проблема возникает на стыке с культурологической проблематикой и органично проникает в сферу изучения культурогенеза. Fern L. Johnson, работающая в указанной исследовательской плоскости [1], говорит о двух различных мирах: мужском и женском, - которые существуют, по ее словам, в «драматической отделенности друг от друга». Автор отмечает, что мужчины и женщины живут бок о бок друг с другом, и разделенности в буквальном смысле слова между ними, конечно же, нет. Однако их все же разделяет понимание и отношение к различным проявлениям действительности. Причем они расходятся далеко не во второстепенных вопросах своего, в том числе совместного, бытия. Тем самым возникает потребность в изучении как мужской, так и женской составляющей в культуре, что можно рассматривать как основание для выделения мужской и женской культур как особого типа образований. Другими словами, видение культуры с точки зрения гендерной проекции означает признание существования **двух культур**, каждая из которых обладает своими особыми характеристиками в виде языка и разнообразных символических практик, в том числе коммуникативных, своим особым миром артефактов и своими особыми системами ценностей.

Обозначив существование в современном культурном пространстве двух культур: мужской и женской, – обратимся к проблеме культурогенеза в применении к выделенным типам культур. Современное понимание этого процесса предусматривает взаимодействие и взаимовлияние культур. Культурогенез осуществляется в режиме одновременности и однопространственности существования культур. В таких условиях уникальность каждой культурной формы и системы проявляется через множество связей и отношений с другими формами и системами, а обращенность культур друг к другу есть необходимая процедура их самоидентификации. Становление и развитие культур в таких условиях следует рассматривать как результат двух процессов. Как показал в своих исследованиях Гари Триандис (Harry C. Triandis) [2, p. 19], с одной стороны, это процесс *диффузии*, а с другой – *аккультурации*. В первом случае подразумевается, что элементы одной культуры проникают в другую и ассимилируются ею. Во втором же случае в процессе взаимодействия культур происходит формирование новых культурных образований (их Г. Триандис называет локальными культурами). Следует

отметить, что процесс аккультурации может сопровождаться культурным шоком, особенно в тех случаях, когда коммуницируют культуры с различными ориентациями. В случае взаимодействия мужской и женской культур представлены оба механизма, и в процессе многочисленных и разнообразных контактов между ними так же, как и при рассмотрении других культурных проекций, устанавливается кросс-культурный диалог.

В изучении кросс-культурных взаимодействий большой интерес представляет осмысление сложных культурных процессов через призму следующих аспектов: синхрония – диахрония, конвергенция – дивергенция, имика – итика.

Синхронически—диахронический аспект кросс-культурного исследования сфокусирован, прежде всего, на обращении к универсалиям культур, взятых как в горизонтальном, так и вертикальном срезе. При этом синхронический метод рассматривает различные культуры в режиме одновременности, сосуществующие в одном историческом пространстве, диахронический - культуры различных временных эпох. В поле зрения при таком подходе в первую очередь попадают базовые системы ценностей культуры, выраженные в соответствующих языковых структурах.

Рассмотрение культур в динамическом аспекте характерно для конвергентно—дивергентного подхода, разработанного американским учёным Лоренсом Кинкейдом (Lawrence Kincaid) [3]. Автор утверждает: культуры представляет собой открытые, постоянно развивающиеся информационные системы, в рамках которых при их взаимодействиях возникают два противоположных по значению, но равных по силе явления – **конвергенция** и **дивергенция**. Первое отражает степень совпадения ценностей и мировоззренческих установок различных культур, обуславливающее их сближение, второе – степень их различия, расхождения. Конвергирующие культуры характеризуются обилием коммуникативных связей, что является важным фактором признания данной культуры, ее понимания и принятия носителями других культурных паттернов. Женская культура часто признается как существующая исключительно в приватной сфере, в которую входят разнообразные практики, связанные с домашним хозяйством и семьей, с миром повседневности. Граница между мужской и женской культурами и их носителями в этом случае пролегает по линии «публичное – приватное», и проницаемость этой демаркации во многом определяется конвергентно-дивергентными процессами.

В основе методологии статического анализа культуры можно назвать два принципа, разработанных и предложенных французским лингвистом К. Л. Пике (K. L. Pike) [4]: **имика (emics)** и **итика (etics)**. Суть первого состоит в выявлении уникальных, специфических для данной культуры элементов, того, что собственно отличает эту культуру от других. Второй

же принцип предназначен для нахождения неких общих, универсальных характеристик.

Тем самым, указанные подходы позволяют более полно, нелинейно подойти к рассмотрению гендерной проекции культуры, раскрыть глубинные, тонкие механизмы ее формирования и развития.

Литература:

1. Johnson, Fern L. Women's Culture and Communication: An Analytical Perspective / Fern L. Johnson. – Beyond Boundaries: Sex and Gender Diversity in Communication. – Ed. by Cynthia M. Lont and Sheryl A. Friedley. – George Mason University Press. Fairfax, Virginia. 1989.

2. Triandis, Harry C. Culture and Social Behavior / Harry C. Triandis. – McGraw-Hill, Inc. 1994.

3. Kincaid, Lawrence. The Convergence Theory of Communication, Self-Organization and Cultural Evolution / Lawrence Kincaid. – Communication Theory: Eastern and Western Perspectives. Ed. by L. Kincaid. (San Diego: Academic Press. 1987).

4. Pike, K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / K.L. Pike. – The Hague: Mouton. 1967.

ФОРУМ 3

Инновационное развитие и социальные риски в эпоху глобализации

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ МОДЕРНА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Н. Авдеенков, г. Москва, Россия

Происходящие в современном мире процессы глобализации и интернационализации заставляют по-новому взглянуть на ряд традиционных явлений и подвергнуть иному осмыслению прежние проблемы. К числу таковых относится тематика идеологии. Немаловажным является вопрос о том, каким образом основные идеологии Модерна (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм и др.) подвергаются оценке феномен экономической, политической и культурной глобализации, а также вопрос о том, каким образом глобализация оказывает влияние на традиционные идеологические программы и ценностные установки.

Под идеологией мы будем понимать систему представлений о наиболее оптимальном устройстве общества, государства, о взаимосвязи